

и какъ по ней товары пойдутъ, и прочее. Погоревали, погоревали тогда, дѣлать нечего. Не по нашему произволѣнiю дѣло становится. Да и то сказать, тогда никому и въ голову не приходило, чтобы трактъ совсѣмъ «сничтожился». А все-таки вся Селихова засумовала (загрустила). И изо дня въ день стали у насъ не радостныя вѣсти, какъ Московскій трактъ кончается, и постоянные дворы на немъ пустѣютъ, какъ въ Курскѣ купцы кладъ стали отправлять на машину. Много толковали. А у насъ на дворахъ, какъ нарочно, обозовъ видимо-невидимо, откуда взялись¹⁾. Хозяева деньги гребутъ лапатою. Иные и не рады были проѣзду большому. День и ночь наѣзжаютъ подводы (телѣги). Только замѣтно стало, что извозчики приуныли крѣпко, форсу въ нихъ нѣту-ти, гулянки тоже мало стало; почували бѣду неминуемую. Тѣ, которые отъ Москвы на Курскъ ходили, въ обрѣзъ сократились. По шоссе Московскому трава заросла... Жалко смотрѣть на дворы постоянные тамошніе.

Старикъ на минутку умолкъ.

— Еще вамъ расскажу, какъ въ послѣдній останный разъ у насъ тутъ гангора прошла. Вѣкъ не забуду. Въ ту пору извозъ по тракту здорово ослабѣлъ. А почтари кажидень (каждый день) еще ѣздили. Вотъ слышимъ: завтра въ послѣдній день гангора пройдетъ, а больше ей не бывать. Затосковали наши хозяева. А гангора въ третьемъ часу всегда ходила. И что ты, баринъ милый, думаешь? На стрѣчу (встрѣчу) ей вся, что ни на есть, деревня вышла. Глядитъ народъ въ то мѣсто, откуда она покажется. А какъ пріѣхала она къ намъ, и не знаю, что сдѣлалось, словно покойника, мы ее провожали. Покатили къ Курску почтовики, а, самъ знаешь, надалѣко дорога видна. Мужики руками машутъ, а бабы въ голосъ ударились, ревмя режутъ, не унимаются. И ребятишки за ними голосають, не знаютъ—о чемъ, а тоже... А какъ гангора ушла, тихо стало на Дворахъ. Проѣзжихъ почти не было. На другой день большой переполохъ у насъ былъ.

— Пожаръ, что ли?—спросилъ я.

— Нѣтъ, не пожаръ, а вотъ что. Въ полудень слышали мы трубу; здорово трубить отъ Харькова, значить, гангора опять идетъ. Засуетились мужички наши, забѣгали. А труба такъ и разливается—гулко. Иные уже заговорили: «Это насъ попустому стращали (страшили). Вчера гуторили (говорили), что больше гангоры не увидимъ, а она и сегодня идетъ. Какъ можно нашъ трактъ, который, можетъ, тысячу лѣтъ стоитъ, и вдругъ прекратить?». И, Боже ты мой! Однимъ духомъ со всѣхъ сторонъ на

¹⁾ Старикъ не могъ понять, что съ открытіемъ путей Московскаго и Кіевскаго (раньше Харьковскаго) въ Курскъ должна была съ юга стекаться масса товаровъ для слѣдованія въ западную и центральную Россію.